

ИНФРАСТРУКТУРА ЧЕЛЯБИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (1905–1930 гг.)

Н. А. Антипин, А. М. Шестаков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

История челябинского старообрядчества только в 1990-е гг. стала объектом исследования, специфические условия существования старообрядцев, их преследования наложили отпечаток на базу исторических источников по заявленной проблеме. В результате на локальном уровне не сформировался репрезентативный корпус исторических источников, а сохранившиеся следы деятельности старообрядцев приходится реконструировать по дискретным следам. Современное возрождение приходской жизни старообрядческих общин Челябинска актуализирует заявленную научную проблему в общественном пространстве. Тема челябинского старообрядчества мало изучена, в историографии присутствуют сюжеты, связанные с поморской беспоповской общиной, при этом остаются без внимания часовенное и белокрыницкое согласия. В статье на основе архивных документов реконструируется старообрядческая топография Челябинска в 1905–1930 гг.: расположение молитвенных домов, кладбища и скита старообрядцев на территории города, внутреннее и внешнее убранство культовых сооружений. Исследуется процесс становления, развития и утраты инфраструктуры челябинских старообрядцев. Выделяются этапы развития: 1) конец 1880-х – 1908 гг. – начальный этап формирования инфраструктуры, в эти годы легализуются и строятся первые молитвенные дома, открывается кладбище, регистрируются общины; 2) 1909–1917 гг. – этап приращения внутреннего и внешнего убранства церквей, короткий период мирного существования старообрядчества в городе; 3) 1918–1930 гг. – этап деградации инфраструктуры и церковного инвентаря староверов в результате антирелигиозной политики. Инфраструктура челябинских староверов располагалась на окраинах города или в его окрестностях. Культовые постройки старообрядцев Челябинска не сохранились до наших дней.

Ключевые слова: молитвенные дома, скиты, старообрядцы, репрессии, антирелигиозная политика, Челябинск.

Введение

Необходимым условием деятельности религиозной организации является наличие не только верующих и священнослужителей, но и инфраструктуры, прежде всего, места (помещения) для совершения богослужений и коммуникации верующих. Цель настоящей статьи – реконструировать инфраструктуру челябинских старообрядцев с момента легализации старообрядчества в 1905 г. до закрытия моленных домов в 1930 г.

История челябинского старообрядчества только в 1990-е гг. стала объектом исследования, специфические условия существования старообрядцев, их преследования наложили отпечаток на источниковую базу, в результате на локальном уровне не сформировался репрезентативный корпус исторических источников, а сохранившиеся следы деятельности старообрядцев приходится реконструировать по дискретным следам. Важно подчеркнуть, что сегодня наблюдается возрождение приходской жизни старообрядческих общин Челябинска, верующие испытывают потребность в восстановлении преемственности с дореволюционным прошлым, а потому история челябинского старообрядчества – это не только научная проблема, но и актуальная в общественном пространстве тема.

Обзор литературы

Первые публикации по истории челябинских староверов в XX веке были предприняты истори-

ком В. С. Боже, он открыл эту тему, а потому следует охарактеризовать те результаты, к которым пришел исследователь. Еще в 1992 г. он совместно с краеведом И. В. Дегтяревым опубликовал работу «Купола над городом», где впервые сообщил о существовании в дореволюционном Челябинске трех старообрядческих молитвенных домов и единой моленной [1, с. 10]. Со ссылкой на дореволюционного журналиста В. А. Весновского [2, с. 51] В. С. Боже установил топографию трех молитвенных домов старообрядцев: молитвенный дом старообрядцев Белокрыницкой митрополии находился на улице Береговой, моленная старообрядцев Поморского согласия – на улице Степной, близ Восточного бульвара; молитвенный дом старообрядцев неопределенного беспоповского согласия располагался на Преображенской улице. Согласно данным В. С. Боже, первый директор областного краеведческого музея И. Г. Горохов оставил после себя черновую запись, где указал на существование в городе одной единой моленной, которая находилась «...рядом с водонапорной башней» [1, с. 10].

В 1998 г. В. С. Боже опубликовал статью о судьбе трех молитвенных домов челябинских старообрядцев. В своей статье «Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска (1917–1937 гг.)» на основе архивных документов краевед выявил, что у старообрядцев было три молитвенных дома различных течений. Молитвен-

ный дом староверов-поморцев располагался на Уфимском тракте, был закрыт 14 апреля 1930 г., здание было передано для размещения в нем общежития рабочих. Молитвенные дома белокриницких старообрядцев и старообрядцев беспоповцев закрыты городским советом той же весной 1930 г. Белокриницкую моленную закрыли 19 марта, а беспоповскую – 22 марта. Оба помещения, по сведениям В. С. Боже, были переданы под жилые помещения [3, с. 171].

В. С. Боже постарался обобщить имеющиеся данные по истории челябинского старообрядчества [4]. Так, он привел данные миссионера челябинского Христорождественного собора, который указал, что на 1889 г. в доме умершего купца Николая Исааковича Толстых была устроена церковь, где «лжеиереем» у австрийцев служил зять купца, бывший крестьянин Миасского завода Антон Иванович Кульков. В Челябинске у часовенных старообрядцев наставником был Алексей Антонович Малышев, а в деревне Шершни – казак Осип Давыдович Казанцев. В Челябинске у часовенных была моленная, построенная по разрешению властей в 1885 г., аналогичная была и в Шершнях [4, с. 789]. В. С. Боже делает вывод, что с 1930 г. и вплоть до начала перестройки старообрядчество в церковной жизни Челябинска представлено не было. Он же справедливо отметил, что история развития старообрядчества в Челябинске слабо изучена из-за небольшого количества сохранившихся и выявленных источников.

Историей поморского согласия в Челябинске занимался М. И. Сляднев. По его сведениям, в конце XIX века в собственности общины был молитвенный дом, который в 1930-е гг. закрыли, а позднее здание снесли [5, с. 643]. По его информации, на 1908 г. в Челябинске действовала одна старообрядческая церковь, находившаяся в доме мещанина Т. Н. Толстых, и два молебных дома. В 1919 г. у поморцев наставником был Никита Сапагов, у единоверцев – Степан Беляев, настоятель Павел Ларионов. Кроме того, М. И. Сляднев привел сведения о существовании в начале XX века в Челябинске и его округе нескольких сотен беглопоповцев и странников в Харлушах, Кайгородово и Михайловке [6, с. 250–252].

Екатеринбургский исследователь С. А. Белобородов писал о двух челябинских белокриницких иереях начала XX века – А. И. Кулькове и В. Д. Шипулине [7]. В совместном исследовании С. А. Белобородов и Ю. В. Боровик опубликовали список зарегистрированных общин, поддержавших Первый Всероссийский съезд старообрядцев часовенного согласия, прошедший в 1911 г. Для нас представляет интерес список причта настоятелей в Челябинске и его окрестностях – в селе Сосновке, Шершнях и Сухомесово [8, с. 315].

Наибольший интерес представляет исследование Ю. В. Боровик [9]. Исследователь привела

факты миграции активных деятелей челябинского старообрядчества во время Гражданской войны, перечислила имена бежавших вслед за армией А. В. Колчака староверов [9, с. 111–112]. Кроме того, в своей работе исследователь привела описание внутреннего убранства моленной челябинских поморцев на 1922 г. [9, с. 134]. Оно оказалось столь скудным, что представители горисполкома не нашли драгоценностей для изъятия в пользу голодающих Поволжья.

Таким образом, следует согласиться с мнением историка В. С. Боже, что тема челябинского старообрядчества мало изучена. Историография уделила внимание больше истории поморской беспоповской общины, оставив без внимания судьбу часовенного и белокриницкого согласия, ярко представленного в начале XX века. Кроме того, исследователи, на наш взгляд, допустили ряд существенных фактических ошибок, которые мы постараемся исправить на основе архивных документов.

Методы исследования

В статье обобщен архивный материал об истории формирования и трансформации инфраструктуры старообрядцев Челябинска в 1905–1930 гг., то есть в период масштабных социально-экономических и политических изменений, проявившихся Первой русской революцией и изданием манифеста 17 октября, Первой мировой войной и революционными событиями 1917 г., Гражданской войны и установлением советской власти в регионе, антирелигиозной политикой большевиков и попытками сосуществования церкви и атеистического государства, а затем масштабным закрытием храмов. Этот процесс перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу описан теорией модернизации (Т. Парсонс, С. Хантингтон).

Старообрядческие общины, оформленные вокруг моленных, представляются в статье как институты. Исследуется их жизненный цикл от легализации вероисповедания и создания мест для отправления религиозных обрядов и духовного общения, развития инфраструктуры до ее деградации и упразднения под сильным влиянием внешних политических и идеологических факторов. Специфический, «закрытый» предмет исследования, «научившийся» скрываться от государственных структур, избежавший документирования собственной истории, обусловил своеобразие источниковедческой работы. В исследовании использованы делопроизводственные материалы из Объединенного государственного архива Челябинской области, которые фиксируют манипуляции с недвижимостью и другой собственностью старообрядцев и взаимоотношения с властью.

Результаты и дискуссия

Белокриницкие старообрядцы. После подписания 17 апреля 1905 г. императором Николаем II

манифеста о веротерпимости старообрядцы всех согласий начали повсеместно регистрировать общины, приобретать и строить культовые сооружения по всей России, Челябинск не стал исключением [10, с. 637]. До 1905 г. челябинские австрийцы собирались в доме мещанина Трофима Николаевича Толстых на ул. Набережной. После провозглашения религиозной свободы члены совета белокриницкой общины Т. Н. Лавров, Я. И. Чернов и мещанин П. С. Овчинников воспользовались изменением ситуации и перерегистрировали здание на церковную общину. В раскладочной ведомости за 1905 г. сохранилось описание построек: «Дом с двумя каменными кладовыми крытый железом, во дворе австрийская молельня» [11, л. 546]. В 1906–1907 гг. дворовое место перешло в собственность к А. В. Кузнецову. Вероятно, в это же время дворовое место было разделено на две части: одну приобрел А. В. Кузнецов, а вторую – Е. А. Толстых. В 1908 г. А. Д. Ушкова приобрела у А. В. Кузнецова его часть дворового места № 176, а второй по-прежнему владела Е. А. Толстых. К 1911 г. дворовое место А. Д. Ушковой перешло в собственность старообрядческой общины. Судя по описанию недвижимого имущества, дом, принадлежавший Т. Н. Толстых, оказался на участке Е. А. Толстых.

По-видимому, изначально это здание предполагалось приспособить для молитвенного дома, именно поэтому план дома попал на утверждение технико-строительного комитета Оренбургского губернского правления, он озаглавлен: «План существующего деревянного дома, находящийся во 2-й части г. Челябинска, на углу Набережной и Кыштымской улиц, в 6 плановом квартале, по участку № 1–2, предполагаемого к образованию в молитвенный дом обществом старообрядцев Белокриницкой иерархии» [12]. План был утвержден, и старообрядцы получили возможность устроить на купленном дворовом месте молельню, о чем свидетельствуют раскладочные ведомости по налогу на недвижимое имущество г. Челябинска за 1908, 1911, 1916 гг. [13, л. 650; 14, л. 734; 15, л. 510].

Регистрационное дело челябинской старообрядческой Свято-Никольской общины Белокриницкой иерархии за 1922 г. содержит адрес молитвенного дома: ул. Верхне-Набережная, д. 16 [16, л. 3]. По информации того же источника [16, л. 19] на 1926 г., адрес молитвенного дома – ул. 8 марта, д. 32 (позднее, в деле о закрытии [17, л. 3], адрес изменится на дом № 36), указывается и дата постройки – 1908 г. Еще одно подтверждение выявленного факта содержится в документах Челябинского губкоммунотдела на 1923 г., где в сведениях о муниципализованном домовладении, находящемся во 2-м районе по Верхне-Набережной улице, д. 16, значится «бывшая старообрядческая молельня» [18, л. 3].

Таким образом, в существующих публикациях, посвященных исследуемому вопросу, бытуют неточные сведения о расположении белокриницкой молельни на ул. Береговой, что впервые было опубликовано в справочнике В. А. Весновского [2, с. 51]. Вместе с тем обнаружено несколько источников, подтверждающих нахождение белокриницкой молельни именно на ул. Набережной (позднее переименованной в Верхне-Набережную, затем ставшей ул. 8 марта). Улица 8 марта в Челябинске сохранилась фрагментарно, на месте белокриницкой церкви сегодня располагается парковка Торгового центра, прилегающая к набережной реки Миасс.

Свято-Никольский храм Белокриницкой иерархии изначально представлял собой деревянный дом, в 1908 г. при покупке дворового места прежние деревянные строения были снесены, и на их месте построено кирпичное здание, при храме имелись деревянные флигель (дом священника), баня, надворные постройки [19]. Храм представлял собой одноэтажное здание из кирпича. Внутри находился один свод перед алтарем, два столба, восемь окон с решетками, две деревянные двери и деревянный пол. В белокриницкой молельне была 151 икона, из них – 20 в алтаре, 37 икон отдельно в алтаре, 43 иконы в храме, 50 отдельно, и одна икона была на паперти. Площадь храма составляла 30 квадратных саженей земли, дворовое место – 250 квадратных саженей. Своего кладбища прихожане не имели, хоронили на загородном кладбище совместно с беспоповцами [16, л. 1–3].

В результате антирелигиозной политики конца 1920-х гг. старообрядцы белокриницкого согласия потеряли свой молельный дом. Процедура изъятия культовых зданий была типичной и схожей для всех конфессий. В 1922 г. Челябинский горисполком муниципализовал все недвижимое имущество в городе. В собственность горисполкома перешло не только недвижимое имущество, но и все содержимое, а затем между городскими властями и верующими был заключен договор о передаче здания в безвозмездное пользование, в 1926 г. произошло продление договора. В 1929 г. началась активная кампания по закрытию в городе всех культовых зданий. Предлогом служили претензии в нарушении договора аренды съемщиком и использование муниципальной собственности.

Закрытие белокриницкой молельни заняло две недели: с 21 февраля по 4 марта в 1930 г. 21 февраля в административный отдел окружного исполкома иерей Афанасий Семенович Еськин написал заявление о сложении с себя сана священника: «Я прошу исключить меня из регистрации общины старообрядческой церкви, так как я снимаю с себя сан священника» [17, л. 2]. 3 марта в докладной записке начальник административного отдела Челябинского горисполкома Э. М. Чопп

отметил, что группа верующих распалась, служба в течение более месяца не производится и староверы добровольно отдают здание моленной горисполкому [16, л. 1]. На следующий день президиум Челябинского городского совета вынес постановление о закрытии молитвенного дома [16, л. 3]. В том же году белокрыницкую моленную переоборудовали в жилищное помещение лесотдела [20, л. 54].

Старообрядцы поморского согласия. Отдельного внимания заслуживает информация о поморской моленной, о которой упомянул журналист В. А. Весновский в своем справочнике, изданном в 1911 г. [2, с. 51]. Сведения о Челябинской старообрядческой общине законобразного поморского согласия на ул. Степной встречаются в раскладочных ведомостях за 1908 и 1911 гг. [13, л. 231; 14, л. 242]. Община пропала из раскладочных ведомостей к 1916 г., очевидно прекратив свое существование. В регистрационных делах и в списках муниципализированной собственности Челябинского горисполкома община также не фигурирует, что подтверждает нашу гипотезу, о том, что община прекратила свое существование в 1911–1916 гг.

Дом старообрядческой общины находился в 77-м плановом квартале, на участке № 918. Сегодня на этом месте в Челябинске стоит комплекс «Каскад» на пл. МОПРа. Согласно раскладочной ведомости на 1911 г. молитвенный дом поморцев на ул. Степной располагался в бывшем доме троичкой мещанки Варвары Поликарповны Гордеевой: «Дом деревянный в три комнаты крытый железом; баня, погреб и конюшня покрыты тесом» [14, л. 242]. Как отмечалось выше, краевед И. Г. Горохов указывал на существование в городе единоверческой молельной, которая находилась «рядом с водонапорной башней». Действительно, рядом с водонапорной башней на Уфимском тракте находилась старообрядческая моленная, но не единоверческая, а поморская. Об этом свидетельствует целый ряд документов. При этом стоит подчеркнуть, что речь идет о второй поморской моленной, расположенной по другому адресу, не имеющей отношения к дому мещанки Гордеевой.

Регистрационное дело старообрядцев-поморцев 1922 г. указывает, что молельный дом староверов поморцев во имя Святой Троицы располагался на Уфимском тракте около городской больницы [21, л. 1–3]. По информации того же источника на 1928 г., адрес молельного дома поморцев значился – ул. Воровского, д. 13 [21, л. 30]. Факт нахождения поморской моленной на Уфимском тракте подтверждает книга регистрации религиозных культов по Челябинску за 1922 г. [20, л. 8].

Свято-Троицкая моленная поморского согласия была построена в 1908 г., изначально представляла собой деревянный храм без алтаря,

как принято у беспоповцев: «Дом деревянный крытый железом; сени тесовые крыты железом; сарай тесовый трех сторонний крыт тесом» (1922 г.) [19, л. 70]. Площадь моленной составляла 44 квадратных сажени, а всего церковная ограда охватывала территорию в 506 квадратных сажени. Также в распоряжении поморцев было 2000 квадратных сажень кладбищенской земли [21, л. 1]. Ежегодно поморцы хоронили около 30 человек, а само кладбище действовало с 1897 г. На плане Челябинска 1939 г. на этом месте обозначено «закрытое кладбище», примыкающее к рынку на ул. Воровского. Вероятно, что это и было то самое старообрядческое кладбище, однако, чтобы окончательно в этом удостовериться, требуется дальнейшее исследование этого вопроса. На 1922 г. совет общины поморцев имел в своем распоряжении два дома и одну келью. Церковную ограду охранял один сторож, примечательно, что на попечении общины находилась вдова церковного служителя и один член причта.

Моленная поморцев представляла собой одноэтажный теплый деревянный дом, с чердаком, двенадцатью окнами, на восьми из которых были решетки, четырем деревянными дверьми, шестью железными главами с гладкими крестами. В числе церковной утвари поморская моленная на 1926 г. хранила в себе: шесть аналоев, три медных гасилки для тушения свечей, Евангелие и Апостол, три запрестольных креста, сто две иконы, одно кадило, две купели, ладоницу, четыре лампады, одну люстру (возможно, имелось ввиду паникадило), две напрестольные одежды, одиннадцать выносных подсвечников, престол, две хоругви, двенадцать шитья на аналои, четырнадцать скамей, две лестницы, три стола, один свечной ящик, большую ковровую дорожку, два малых коврика, две вешалки, четыре половики.

12 марта 1930 г. начальник административного отдела Челябинского горисполкома Э. М. Чопп написал докладную записку о необходимости расторгнуть договор на использование культового здания и передать его под «культурные или иные государственные нужды». В ней он перечислил все нарушения договора аренды поморцами, среди которых были: нестрахование здания, несвоевременная уплата госстраху страховых платежей, отсутствие мер по охранению здания и имущества, которые привели к хищению части имущества (его Э. М. Чопп воспринимал государственным). Далее в докладной записке указывается, что поморцы редко ходят молиться – два-три раза в месяц, что и стало основанием для претензии в использовании молитвенного дома, притом что в Челябинске 37 тыс. человек нуждались в жилье. Упомянуты и делегации равнодушных граждан, ходатайствующих о «...скорейшем закрытии данного молитвенного дома» [21, л. 56]. 18 марта того же года постановлением Челябинского городского совета

договор аренды с поморской общиной был расторгнут в связи с неоднократными нарушениями договора и острым жилищным кризисом. В том же году моленную переоборудовали под общежитие для рабочих [19, л. 55].

В описи муниципализированного имущества горисполкома сохранилась опись старообрядческого скита в поселке Шершни, ныне находящемся в составе Челябинска, а столетие назад бывшем одним из ближайших населенных пунктов к городу [19, л. 70]. Мужской скит в поселке Шершни относился к поморскому старообрядческому согласию. Согласно документу, поморский скит выглядел следующим образом: «Изба бревенчатая 3,83×3,80×2,20. Сарай бревенчатый крытый соломой, баня бревенчатая крытая тесом, сруб бревенчатый, барак бревенчатый крытый тесом, подвал покрыт железом, сарай тесовый крыт тесом, барак тесовый крыт тесом, барак бревенчатый крыт тесом, барак бревенчатый крыт елью» [19, л. 70].

Часовенные старообрядцы. Дореволюционный журналист В. А. Весновский, а вслед за ним и В. С. Боже упомянули о существовании в 1909 г. старообрядческого молитвенного дома на ул. Преображенской, что подтверждается архивными документами. В раскладочной ведомости на 1908 г. говорится о существовании на ул. Преображенской в 8-м квартале, на 151-м дворе месте, старообрядческого общества Челябинска. Сопоставление планов Челябинска дореволюционного периода и XX века позволяет сделать вывод, что сейчас на этом месте находится рынок «Восточный город» (ул. Кирова, 72): «Дом полукаменный, в четыре комнаты, на дворе дом двух комнатный, крыт железом, флигель крыт железом, деревянный дом крыт тесом» [13, л. 576].

Согласно регистрационному делу за 1922 г., старообрядческая Покровская церковь была построена в 1898 г., представляла собой деревянное одноэтажное здание с девятью окнами с решетками и пятью деревянными дверьми. Находилась на улице 1 мая, д. 6, в Заречном районе. Площадь храма составляла 28 квадратных саженей, а весь земельный участок был 450 квадратных саженей. В церкви беспоповцев числилось два члена причта и один сторож. На 1922 г. в церкви было 72 иконы, две из них содержали драгоценные оклады. Наличие таких икон привело к тому, что во время кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья молитвенный дом часовенных лишился этих икон. Так, у часовенных беспоповцев были изъяты: «Риза с иконы Пресвятой Богородицы серебряная с камнями вес 5,2 фунта. Риза серебряная с иконы Святого Николая Чудотворца вес 3 фунта» [23, л. 1]. В моленной церковная утварь: три аналоя, пара Евангелия и Апостола, один напрестольный деревянный крест, две железные сборные кружки, 8 крючков для лампад, одна железная купель, 50 металличе-

ских лампад, металлическое паникадило, пара металлических выносных подсвечников, две железных чаши для богоявленской воды. Из мебели в часовенной церкви было семь деревянных скамей, четыре деревянных лестницы и один деревянный свечной ящик.

В 1926 г. во время перерегистрации общины имущество вновь подверглось описанию, и видно, что прихожане к этому времени установили два железных, гладких креста на главах. Паперть представляла собой навес на деревянных столбах, крытый железом, снаружи здание было нештукатурено и не крашено. При этом годом постройки указан 1899 г. Благодаря этой описи возможно представить внутреннее убранство: роспись в храме отсутствовала, клиросы деревянные; алтарь отсутствовал, как в абсолютном большинстве беспоповских церквей; иконостас деревянный, четырехъярусный крашенный, размер иконостаса в аршинах 13×7, иконостас наполнен в 1903 г. Количество икон увеличилось с 72 до 81. Появилась икона Спасителя с медным окладом. Изменился список церковной утвари: появилась одна гасилка для тушения свечей, к паре Евангелия и Апостола добавилась богослужебная книга, к паре железных сборных кружек добавилась еще одна, прибавилось десять медных лампад, появилась новая мебель. В списке мебели значилось десять скамей, одна лестница, три табурета, стол, деревянный свечной ящик [23, л. 49–50], что свидетельствует об увеличении благосостояния общины, о честности староверов, которые во время очередной ревизии оставили в церкви новую утварь, а также и о том, что верующие не были готовы к закрытию своей церкви.

В конце февраля 1930 г. против челябинских часовенных синхронно с белокриницкими был запущен механизм закрытия. 4 марта 1930 г. президиум Челябинского городского совета принял постановление о закрытии двух моленных домов: «Принимая во внимание, что от групп верующих старообрядцев-беспоповцев по ул. 1 мая, д. № 6, и от белокриниццев (поморцев) – по ул. 8 марта, д. № 36, поступили ходатайства об отказе дальнейшего пользования молитвенными зданиями, вследствие отсутствия средств на содержание их и незначительной посещаемости верующими молитвенных собраний, ходатайства означенных групп верующих удовлетворить и действие существующих договоров с ними прекратить» [17, л. 3]. Моленную часовенного согласия переоборудовали тогда же в жилое помещение для рабочих [22, л. 54].

Выводы

Таким образом, следует выделить этапы развития инфраструктуры челябинских староверов: 1) конец 1880-х – 1908 гг. – начальный этап формирования инфраструктуры, в эти годы легализуются и строятся первые молитвенные дома, открывается кладбище, регистрируются общины; 2) 1909–1917 гг. – этап приращения внутреннего

и внешнего убранства церквей, короткий период мирного существования старообрядчества в городе; 3) 1918–1930 гг. – этап деградации инфраструктуры и церковного инвентаря староверов, в результате антирелигиозной политики. Именно в этот период старообрядцы теряют юридические права на культовые сооружения, а в 1930 г. и фактически лишаются своего имущества.

Выявленные архивные документы показывают, что наибольшим богатством внутреннего убранства могла похвастаться среди староверов община часовенного согласия. Из имеющихся источников известно, что только у них встречаются драгоценные оклады икон. Однако по количеству икон среди всех староверов Челябинска выделялись белокриницкие, что объясняется большим количеством попечителей среди мещан и купцов города из среды белокриницких. По численности инфраструктуры следует выделить общину поморского согласия, именно им принадлежало единственное старообрядческое кладбище Челябинска и единственный в округе города старообрядческий мужской скит в поселке Шершни.

Инфраструктура челябинских староверов располагалась на окраинах города или в его окрестностях. Заречье, где находились моленные часовенных и белокриницких старообрядцев, было районом компактного проживания старообрядцев, окраиной города. Район водоканализации, где была поморская моленная, являлся южной окраиной города. Кладбище в дореволюционное время, не входило в черту Челябинска, хотя и было на границе с городом. Такая топография староверческой инфраструктуры объясняется тем, что этап ее формирования происходил либо до 1905 г., а значит, до момента полной легализации старообрядцев, либо в период, когда староверы получили свободу вероисповедания, но отнюдь не равные права с господствующей церковью.

Культовые постройки старообрядцев не сохранились до наших дней. Здание белокриницкой молельной, вероятнее всего, было снесено в 1960-е гг., во время постройки Торгового центра. По преданию поморских староверов, в 1950-е гг. здание их молельной сгорело во время бытового пожара. По воспоминаниям поморских старожилов, старообрядческое кладбище подверглось жилой застройке в конце 1950 – начале 1960-х гг. Время утраты здания часовенной молельной остается неизвестной.

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [номер госрегистрации № АААА-А20-120072890030-2] (проект № FENU-2020-0021).

Литература

1. Дегтярев, И. В. Купола над городом / И. В. Дегтярев, В. С. Боже. – Челябинск, 1992. – 41 с.
2. Весновский, В. А. Весь Челябинск и его окрестности / В. А. Весновский. – Челябинск, 2015. – 138 с.
3. Боже, В. С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска (1917–1937 гг.) / В. С. Боже // Челябинск неизвестный : краеведческий сборник. – Челябинск, 1998. – Вып. 2. – С. 107–198.
4. Боже, В. С. Старообрядчество / В. С. Боже // Челябинск : энциклопедия. – Челябинск, 2001. – С. 788–789.
5. Сляднев, М. И. Поморцы / М. И. Сляднев // Челябинск : энциклопедия. – Челябинск, 2001. – С. 643.
6. Сляднев, М. И. Старообрядчество на Южном Урале (политика местных государственных органов по отношению к старообрядческим религиозным объединениям 1917–2002 гг.) / М. И. Сляднев // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2003. – № 2. – С. 248–254.
7. Белобородов, С. А. «Австрийцы» на Урале и в западной Сибири (из истории Русской православной старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) / С. А. Белобородов // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий ; отв. ред. И. В. Починская. – Екатеринбург, 2000. – С. 136–172.
8. Белобородов, С. А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев / часовенных XVIII – начала XX в. / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. – Екатеринбург, 2017. – 382 с.
9. Боровик, Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927) / Ю. В. Боровик. – Екатеринбург, 2019. – 212 с.
10. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество / С. А. Зеньковский. – М. : Институт ДИДИК : Квадрига, 2009. – 688 с.
11. ОГАЧО. – Ф. И-3. – Оп. 1. – Д. 843.
12. ГАОО. – Ф. 11. – Оп. 9а. – Д. 289.
13. ОГАЧО. – Ф. И-3. – Оп. 1. – Д. 929.
14. ОГАЧО. – Ф. И-3. – Оп. 1. – Д. 1096.
15. ОГАЧО. – Ф. И-3. – Оп. 1. – Д. 1265.
16. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 2.
17. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 56.
18. ОГАЧО. – Ф. Р-179. – Оп. 2. – Д. 320.
19. ОГАЧО. – Ф. Р-181. – Оп. 1. – Д. 15.
20. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 27.
21. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 4.
22. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 34.
23. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 11.

Антипин Николай Александрович – доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), e-mail: antipin87@mail.ru. ORCID 0000-0003-4060-5955

Шестаков Александр Михайлович – магистрант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), e-mail: katechon74@gmail.com. ORCID 0000-0002-3361-184X

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh210304

INFRASTRUCTURE OF CHELYABINSK OLD BELIEVERS (1905–1930)

N. A. Antipin, A. M. Shestakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The history of the Chelyabinsk Old Believers became the object of research only in the 1990s, the specific conditions of the Old Believers' living, their chasing affected the historical sources on the issue. As a result, a representative corpus of historical sources has not been formed at the local level, and the remaining traces of the activities of the Old Believers have to be reconstructed based on discrete traces. The modern revival of the parish life of Chelyabinsk Old Believer communities updates the declared scientific issue. The topic of the Chelyabinsk Old Believers has been poorly studied, there are studies associated with the Pomeranian Bespopovsky community, while the Chasoveny and Belokrinitsa creeds are not covered. The article reconstructs the Old Believer topography of Chelyabinsk in 1905–1930 based on archival documents: the location of preaching houses, a cemetery, and a skete of Old Believers in the city, the interior and exterior decoration of religious buildings. The process of formation, development, and loss of infrastructure of the Chelyabinsk Old Believers is investigated. The stages of development are highlighted: 1) the end of the 1880s – 1908 is the initial stage of the infrastructure formation, when the first houses of worship were legalized and built, a cemetery was opened, communities were registered; 2) the period of 1909–1917 is the stage of the internal and external decoration of churches, a short period of peaceful existence of the Old Believers in the city; 3) the period of 1918–1930 is the stage of the Old Believers infrastructure and church inventory degradation during the anti-religious policy. The Chelyabinsk Old Believers infrastructure was located on the outskirts of the city or in its vicinity. The religious buildings of the Chelyabinsk Old Believers have not survived.

Keywords: preaching house, monastery, Old Believers, repression, anti-religious policy, Chelyabinsk.

References

1. Degtyarev I.V., Bozhe V.S. Kupola nad gorodom [Domes over the City]. Chelyabinsk, 1992. 41 s.
2. Vesnovskij V.A. Ves' Chelyabinsk i ego okrestnosti [The Whole of Chelyabinsk and its Surroundings]. Chelyabinsk, 2015. 138 s.
3. Bozhe V. S. Materialy k istorii cerkovno-religioznoj zhizni Chelyabinska (1917–1937 gg.) [Materials for the History of the Church and Religious Life of Chelyabinsk (1917–1937)] // *Chelyabinsk neizvestnyj: kraevedcheskij sbornik*. Chelyabinsk, 1998. Vyp. 2. S. 107–198.
4. Bozhe V.S. Staroobryadchestvo [Old Believers] // *Chelyabinsk: enciklopediya*. Chelyabinsk, 2001. S. 788–789.
5. Slyadnev M.I. Pomorcy [Pomeranians] // *Chelyabinsk: enciklopediya*. Chelyabinsk, 2001. S. 643.
6. Slyadnev M.I. Staroobryadchestvo na Yuzhnom Urale (politika mestnyh gosudarstvennyh organov po otnosheniyu k staroobryadcheskim religioznym ob'edineniyam 1917–2002 gg.) [The Old Believers in the South Ural (the Policy of Local State Bodies in Relation to the Old Believer's Religious Associations of 1917–2002)] // *Evrasijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*. 2003. № 2. S. 248–254.
7. Beloborodov S.A. «Avstrijcy» na Urale i v zapadnoj Sibiri (iz istorii Russkoj pravoslavnoj staroobryadcheskoj cerkvi – belokriniczskogo soglasiya) [Austrians in the Urals and Western Siberia (from the History

of the Russian Orthodox Old Believer Church – Belokrinitsky Creed)] // *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel'nyh territorij*; otv. red. I. V. Pochinskaya. Ekaterinburg, 2000. S. 136–172.

8. Beloborodov S.A., Borovik Y.V. Starovery gornozavodskogo Urala: stranicy istorii soglasiya beglopopovcev / chasovennykh XVIII – nachala XX v. [Old Believers of the Gornozavodsky Urals: Pages of the History of the Beglopopovtsy / Chasovenny Movement of the XVIII – early XX Century]. Ekaterinburg, 2017. 382 s.

9. Borovik Y.V. Staroobryadchestvo Urala i Zaural'ya na perelome epoh (1905–1927) [The Old Believers of the Urals and Trans-Urals at the Turning Point of the Epochs (1905–1927)]. Ekaterinburg, 2019. 212 s.

10. Zen'kovskij S. A. Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old Believers]. M.: Institut DI-DIK: Kvadriga, 2009. 688 s.

11. OGACHO [USACR]. F. I-3. Op. 1. D. 843.

12. GAOO [SAOR]. F. 11. Op. 9a. D. 289.

13. OGACHO [USACR]. F. I-3. Op. 1. D. 929.

14. OGACHO [USACR]. F. I-3. Op. 1. D. 1096.

15. OGACHO [USACR]. F. I-3. Op. 1. D. 1265.

16. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 2.

17. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 56.

18. OGACHO [USACR]. F. R-179. Op. 2. D. 320.

19. OGACHO [USACR]. F. R-181. Op. 1. D. 15.

20. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 27.

21. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 4.

22. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 34.

23. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 11.

Nikolay A. Antipin – associate professor of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: antipin87@mail.ru

Alexander M. Shestakov – master's degree student of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: katechon74@gmail.com

Received July 1, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипин, Н. А. Инфраструктура челябинских старообрядцев (1905–1930 гг.) / Н. А. Антипин, А. М. Шестаков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 32–39. DOI: 10.14529/ssh210304

FOR CITATION

Antipin N. A., Shestakov A. M. Infrastructure of Chelyabinsk Old Believers (1905–1930). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 32–39. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210304